

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

г. Москва

17 апреля 2002 года

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в составе:

Председателя – Лебедева В.М.,

членов Президиума – Верина В.П., Вячеславова В.К., Жуйкова В.М.,
Каримова М.А., Кузнецова В.В., Меркушова А.Е., Попова Г.Н., Свиридова
Ю.А., Сергеевой Н.Ю., Смакова Р.М.

рассмотрел дело по протесту заместителя Генерального прокурора
Российской Федерации Кехлерова С.Г. на приговор Судебной коллегии по
уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля
2001 года, по которому

***КРАСНОЖЕН Владимир Владимирович**, 16 июля 1961 года
рождения, уроженец совхоза «Севастопольский» Чкаловского
района Кокчетавской области Республики Казахстан, украинец, с
высшим образованием, несудимый,*

по ст.ст.290 ч.4 п. «в», 305 ч.1, 292 УК РФ;

***УШАКОВА Валентина Александровна**, 1 сентября 1956 года
рождения, уроженка г.Богородицка Тульской области, русская, со
средним образованием, несудимая,*

по ст.292 УК РФ,-

оправданы каждый за неустановлением событий преступлений.

Отказано Мироновой Г.Н. и Шмуляну Н.П. в удовлетворении
требований о возмещении материального и морального вреда.

Определением Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2001 года кассационный протест государственного обвинителя и жалобы потерпевших оставлены без удовлетворения.

В протесте поставлен вопрос об отмене состоявшихся по делу судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Мещерякова Д.А., выступление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Кехлерова С.Г., поддержавшего протест, Президиум Верховного Суда Российской Федерации

у с т а н о в и л :

органами предварительного следствия Красножен В.В. обвинялся в том, что, занимая государственную должность судьи Богородицкого городского суда Тульской области и осуществляя функции представителя власти, то есть являясь должностным лицом, путем вымогательства получил денежную взятку за совершение действий, входивших в его служебные полномочия, в пользу взяткодателей; он же обвинялся в вынесении заведомо неправосудного решения.

Одновременно Красножену В.В. и Ушаковой В.А. предъявлено обвинение в том, что они, являясь соответственно должностным лицом и государственной служащей, из личной заинтересованности внесли заведомо ложные сведения в официальные документы.

Согласно предъявленному обвинению, преступления совершены при следующих обстоятельствах.

В середине декабря 1995 года в Богородицкий городской суд поступило первое, а в феврале 1996 года второе исковое заявление Шмуляна В.Н. к его сестре Мироновой Г.Н. и отцу Шмуляну Н.П. Получив эти заявления, судья Красножен В.В. с целью получения путем вымогательства взятки, не стал регистрировать их, длительное время дело к слушанию не назначал, а после назначения всячески затягивал его рассмотрение. При личных встречах с Мироновой Г.Н. он заявлял, что в материалах дела имеются препятствия относительно решения его в ее пользу, не объясняя сути этих препятствий, а для их устранения она должна передать 3 млн. неденоминированных рублей, чемумышленно поставил ее в такие условия, при которых Миронова была вынуждена

согласиться дать взятку во избежание неблагоприятных последствий для ее правоохраняемых интересов.

Полагая, что Красножен вынесет решение в ее пользу, Миронова приняла меры к сбору обусловленной суммы денег, заняла 1 млн. рублей у знакомой Моториной, но не смогла собрать требуемую сумму. Красножен согласился на получение взятки в несколько приемов, после чего в январе 1997 года получил в своем служебном кабинете от Мироновой часть взятки в сумме 1 млн. неденоминированных рублей.

Затем в марте-апреле 1997 года Красножен в своем служебном кабинете дважды получил от Мироновой по 500 тыс.руб., а остальную сумму она не смогла передать ввиду финансовых затруднений.

21 апреля 1997 года судья Красножен вынес решение, которым частично удовлетворил исковые требования ее брата Шмуляна В.Н.

Не удовлетворенная таким решением Миронова потребовала от Красножена возврата денег. Не надеясь на возврат денег, вместе со своим мужем Мироновым Н.В. она записала разговоры с Красноженом на личный диктофон, но Красножен вернул ей деньги.

Вопреки установленным в судебном заседании обстоятельствам, Красножен положил в основу решения искаженные показания свидетелей Вышковского и Купрейчик, Шмулян В.В. и Миронова Н.В., ответчиков Шмуляна Н.П. и Мироновой Г.Н., сфальсифицировав доказательства, и вынес заведомо неправосудное решение от 21 апреля 1997 года и удовлетворил иск Шмуляна В.Н. относительно принятия им наследства в размере 1/6 части домовладения.

Для вынесения такого решения Красножен и, по его указанию, секретарь судебного заседания Ушакова совершили должностной подлог, внося в протокол судебного заседания от 29 марта 1996 года сфальсифицированные показания свидетелей Шмуляна В.В. и Миронова Н.В., которые в судебном заседании не допрашивались, приобщили к делу подписку данных свидетелей с подделанными от их имени подписями против их фамилий. Также внесли в протоколы судебных заседаний от 29 марта 1996 года, от 26 марта и 18 апреля 1997 года искаженные показания ответчиков Шмуляна Н.П. и Мироновой Г.Н. в пользу истца, перенесли показания Мироновой Г.Н. из протокола от 26 марта 1997 года в протокол от 18 апреля 1997 года, уже после вынесения решения суда, то есть 28 июля 1998 года.

Указанные выше действия Красножена В.В. были квалифицированы органами следствия по ст.ст.290 ч.4 п. «в», 305 ч.1, 292 УК РФ, а Ушаковой В.А. – по ст.292 УК РФ.

Принимая решение об оправдании Красножена и Ушаковой за неустановлением события преступлений, судебная коллегия в приговоре указала, что по делу отсутствуют доказательства, свидетельствующие о совершении ими названных преступлений, и никто из участников процесса не заявил ходатайства о направлении дела на дополнительное расследование.

В протесте поставлен вопрос об отмене состоявшихся судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение. В протесте указано, что приговор является необоснованным, поскольку его выводы не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Суд дал доказательствам оценку выборочно, а не в их совокупности, взяв за основу лишь те, которые, по мнению суда, свидетельствуют о невинности оправданных. При этом не были учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда. При оценке противоречивых доказательств суд без достаточного обоснования принял одни из них и отверг другие.

Так, передача денег Красножену в качестве взятки подтверждена показаниями допрошенных в судебном заседании свидетелей Мироновой, Миронова Н.В., Шмуляна Н.П., Мироновых Юрия и Сергея, которые, как и на предварительном следствии дали подробные и последовательные показания об обстоятельствах передачи Мироновой денег и возврате их Красноженом, а также другими, исследованными судом доказательствами, изобличающими Красножена в совершении указанного преступления.

Из показаний допрошенной в суде Дорохиной следует, что, когда она узнала от жены Красножена о том, что ее мужа обвиняют в получении взятки, она, встретившись с Мироновой, стала просить изменить данные ею показания, взять заявление о привлечении Красножена к уголовной ответственности и написать новое по образцу, переданному ей женой Красножена. Суд необоснованно пришел к выводу, что это обстоятельство не свидетельствует о совершении Красноженом преступления на том основании, что он не поручал Дорохиной вести переговоры с Мироновой.

Судом не дана оценка показаниям Ушакова, родственника Красножена, подтвердившего в суде, что, когда он разговаривал с Мироновой о происшедшем, она ему рассказала, что Красножен принял у нее взятку и все сделал не в ее пользу.

Необоснованным является содержащееся в приговоре утверждение о крайне противоречивых показаниях Мироновой относительно времени передачи денег Красножону. Как установлено предварительным следствием, деньги Красножону были переданы Мироновой в конце 1996 года и в начале 1997 года. В судебном заседании Миронова пояснила, что даты встреч и передач денег Красножону она не помнит и назвать не может, но заявила, что это было весной 1996 года. После оглашения ее показаний, данных на предварительном следствии, Миронова полностью их подтвердила и объяснила причину противоречий плохой памятью и давностью имевших место событий. Проигнорировав это объяснение Мироновой, суд совершенно необоснованно указал в приговоре, что Миронова не смогла объяснить, чем вызваны противоречия в ее показаниях.

Допрошенные в суде Шмулян Н.П., Миронов Н.В., Мироновы Юрий и Сергей дали подробные показания об известных им обстоятельствах передачи денег Мироновой Красножону, однако суд, обосновывая вывод об отсутствии события преступления, в приговоре отверг их показания на том основании, что «они не были очевидцами передачи денег судье Красножону и все знают лишь со слов Мироновой».

Вывод суда о том, что заявление Мироновой о даче взятки Красножону и аудиокассеты от нее получены с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, что, по мнению суда, делает эти доказательства недопустимыми, а также утверждение суда о том, что аудиокассеты до их осмотра с участием понятых и приобщения к делу уже находились в распоряжении работников ФСБ, не соответствуют фактическим обстоятельствам и не подтверждаются исследованными в суде доказательствами.

Факт предъявления Мироновой кассет с заявлением в ФСБ 26 мая 1997 года подтвержден, кроме показаний самой Мироновой, допрошенными в суде работниками ФСБ Лазаревым и Никитиным, а также протоколом осмотра (том 1 л.д.51). О том, что кассеты были осмотрены и прослушаны с участием понятых, подтвердили в суде Лазарев, Никитин, Миронова и присутствующая в качестве понятой Дубинина. Ссылка в приговоре на показания Дубининой и Ушакова о том, что кассеты не прослушивались, не соответствует их показаниям, содержащимся в протоколе судебного заседания (л.д.100 и 118).

Из показаний допрошенного в суде Никитина следует, что в связи с тем, что при прослушивании аудиокассет выяснилось, что качество записи

на них плохое, он принял решение произвести их распечатку. Эту работу выполнили соответствующие специалисты ФСБ. Компьютерная распечатка аудиозаписей предъявленных Мироновой кассет была приложена к протоколу осмотра.

Как установлено в суде, работники ФСБ никакого отношения к аудиозаписи разговора с Красноженом не имели, произведена она была Мироновой и Мироновым Н.В. по их личной инициативе с целью добиться возврата переданных Красножену денег.

В исследованных в судебном заседании заявлении Мироновой в ФСБ с сообщением о преступлении и ее объяснении отсутствует запись о том, что ей разъяснена ответственность за заведомо ложный донос. Бесспорные доказательства того, что Миронова о такой ответственности не предупреждалась, судом не установлены.

При изложенных обстоятельствах нельзя признать нарушения уголовно-процессуального закона при приеме заявления Мироновой, предъявлении ею аудиокассет, даче объяснения в ФСБ существенными и влекущими за собой их недопустимость.

Давая в приговоре оценку имеющимся в деле трем распечаткам записи разговора на аудиокассетах, суд указал, что тексты распечатки не соответствуют друг другу. При этом суд не учел, что третья распечатка (т.3 л.д.208-213) появилась в процессе производства дополнительной экспертизы, проведенной на основании соответствующего постановления следователя, целью которой было устранение имевшихся противоречий в компьютерной распечатке и при производстве первой экспертизы.

Анализ содержания прослушанных в суде аудиокассет, а также распечаток записей разговора подтверждает направленность умысла Мироновой на возврат переданных Красножену денег за обещанное им принятие решения по гражданскому делу в ее пользу.

Запись разговоров соответствует показаниям Мироновой и Миронова Н.В., данным ими на следствии и в суде. Зафиксированное содержание их разговора соответствует установленным обстоятельствам передачи взятки (речь идет о «закавыке», для устранения которой давались деньги для принятия решения в пользу Мироновой, сумме переданных денег и т.п.) и с достоверностью дает основания утверждать об имевшем место событии преступления.

Суд в приговоре допустил необъективную и одностороннюю оценку и других доказательств, изобличающих Красножена в вынесении заведомо неправосудного решения и служебном подлоге, а Ушакову - в служебном подлоге.

Как на предварительном следствии, так и в суде свидетель Миронов Н.В. категорически отрицал свое участие в судебном заседании по гражданскому делу 29 марта 1996 года и то, что он поставил свою подпись в подписке свидетеля.

Допрошенный на предварительном следствии свидетель Шмулян В.В. 7 июня 2000 года (т.3 л.д.98-99) показала, что «свидетелем по иску отца к Мироновой никогда не был и показаний в суде не давал». На допросе 20 июля 2000 года (т.3 л.д.100-102) он показал, что в предъявленном ему документе-подписке свидетеля подпись похожа на его, но он в нем не расписывался.

В судебном заседании Шмулян В.В. отказался от этих показаний, заявив, что вспомнил о своем участии в судебном заседании 29 марта 1996 года и о том, что расписывался в подписке свидетеля. Причину изменения показаний он объяснил тем, что давал на следствии показания после предъявления ему следователем заключения почерковедческой экспертизы. Такое объяснение не соответствует действительности, поскольку первый допрос Шмуляна В.В. был произведен еще до назначения почерковедческой экспертизы.

Согласно оглашенному в суде заключению судебно-почерковедческой экспертизы от 13 июля 2000 года, подпись от имени Шмуляна В.В. в графе «подпись свидетеля», против фамилии Шмулян В.В. в подписке свидетеля от 29 марта 1996 года выполнена не самим Шмуляном В.В., а иным лицом с подражанием, возможно Шмулян А.П. Подпись от имени Миронова Н.В. в графе «подпись свидетеля» в этой же подписке выполнена не самим Мироновым Н.В., а иным лицом.

Президиум находит, что протест удовлетворению не подлежит по следующим основаниям.

Из показаний Красножена и Ушаковой усматривается, что они не признали полностью предъявленного им обвинения и полагают, что Миронова Г.Н. и ее родственники оговорили, их будучи неудовлетворенными решением суда.

Суд в приговоре с достаточной полнотой исследовал представленные органами предварительного следствия доказательства, положенные в основу обвинения Красножена и Ушаковой, и дал мотивированную оценку каждому из этих доказательств.

В частности, в подтверждение обвинения органы следствия сослались на показания Мироновой Г.Н., Шмуляна Н.П., свидетелей Миронова Н.В., Вышковского, Купрейчик, Дорохиной, Шмуляна В.В., расшифровку аудиозаписи разговора между Красноженом, Мироновой Г.Н. и Мироновым Н.В., заключения фоноскопических и почерковедческих экспертиз, материалы гражданского дела и заключение Тульского областного суда от 28 июля 1998 года.

Однако в приговоре сделан обоснованный вывод, что указанные доказательства не дают оснований для постановления обвинительного приговора, поскольку не подтверждают бесспорно факт совершения Красноженом и Ушаковой уголовно-наказуемых деяний и наличия таковых вообще.

В обоснование обвинения Красножена в вынесении заведомо неправосудного решения и Ушаковой в совершении должностного подлога органы следствия указали, что из показаний свидетелей Вышковского и Купрейчик в протоколе судебного заседания по гражданскому делу не следует, что Шмуляном В.Н. было принято наследство.

Однако анализ показаний, изложенных в протоколе судебного заседания и решении суда от 21 апреля 1998 года, свидетельствует, что они, полностью соответствуют друг другу, а свидетели Вышковский и Купрейчик в судебном заседании по настоящему делу подтвердили достоверность данных ими показаний по гражданскому делу, положенных в основу решения.

Красножен и Ушакова также отрицали искажение ими показаний указанных свидетелей.

При таких данных суд обоснованно признал несостоятельными выводы органов следствия о вынесении Красноженом заведомо неправосудного решения.

Органы следствия в подтверждение предъявленного обвинения также указали, что уже после вынесения решения суда от 21 апреля 1997 года, то есть после 28 июля 1998 года, Красножен и Ушакова внесли изменения в гражданское дело по иску Шмуляна В.Н. к Мироновой Г.Н. и

Шмуляну Н.П. и перенесли показания Мироновой Г.Н. из протокола судебного заседания от 26 марта 1997 года в протокол судебного заседания от 18 апреля 1997 года.

Отрицая данный факт, Красножен и Ушакова пояснили, что в переносе показаний Мироновой Г.Н. из одного протокола судебного заседания в другой не имелось никакой необходимости, поскольку для вынесения решения не имело значения, в каком из протоколов находились ее показания.

Сама Миронова Г.Н. не показала конкретно, какого числа она давала показания в судебном заседании при рассмотрении гражданского дела и лишь предполагает, что это было 21 апреля 1997 года.

Обоснованно и мотивированно судом отвергнуты доводы органов предварительного следствия о переносе показаний Мироновой Г.Н. из одного протокола судебного заседания в другой, как противоречащие материалам дела, поскольку эти доводы обосновывались заключением Тульского областного суда от 28 июля 1998 года (т.4 л.д.61-66, 76-81), без учета других доказательств противоположного значения.

В приговоре не оспаривается, что в заключении Тульского областного суда от 27 июля 1998 года действительно указано, что факт принятия наследства Шмуляном В.Н. подтверждается объяснениями Шмуляна Н.В. и Мироновой Г.Н., изложенными в протоколах судебных заседаний от 29 марта 1996 года и 26 марта 1997 года по гражданскому делу.

В то же время, в приговоре указано, что в названных протоколах судебных заседаний не имеется показаний Мироновой Г.Н., а имеются показания Шмуляна Н.П. Показания же Мироновой Г.Н. изложены в протоколе судебного заседания по гражданскому делу от 18 апреля 1997 года (т.1 л.д.176, т.2 л.д.3-6).

В заключении Тульского областного суда от 28 июля 1998 года, хотя и не имеется указания на протокол судебного заседания от 18 апреля 1997 года, но фактически делается ссылка на показания Мироновой Г.Н., содержащиеся на л.д. 73-74 гражданского дела или на л.д. 5-6 т. 2 уголовного дела, то есть в протоколе от 18 апреля 1997 года.

Из показаний свидетеля Трановой В.И., подготовившей указанный проект заключения Тульского областного суда от 28 июля 1998 года, подписанный и.о. председателя суда Дроздовым В.М., видно, что она

сделала ссылку в заключении на протоколы судебного заседания по гражданскому делу от 29 марта 1996 года и 26 марта 1997 года обобщенно в отношении обоих ответчиков, хотя их показания находились в разных протоколах судебных заседаний.

Обосновывая обвинение, органы предварительного следствия не учитывали данного обстоятельства, не дали оценки приведенным доказательствам и сделали предположительный вывод о переносе подсудимыми показаний Мироновой Г.Н. из одного протокола судебного заседания в другой, что суд обоснованно не мог признать в качестве доказательства их виновности.

Правильным является и вывод суда в приговоре о том, что не нашел подтверждения в судебном заседании довод органов предварительного следствия об искажении Красноженом и Ушаковой в протоколах судебных заседаний по гражданскому делу показаний ответчиков Мироновой Г.Н. и Шмуляна Н.П. в пользу истца, о чем в приговоре приведены убедительные мотивы.

Красножен и Ушакова в судебном заседании, наряду с другими, отрицали и данный факт обвинения.

Из решения суда от 21 апреля 1997 года видно, что ответчики Миронова Г.Н. и Шмулян Н.П., оспаривая факт принятия истцом наследства, не отрицали, что он пользовался земельным участком с расположенным на нем спорным домовладением, а ответчик Шмулян Н.П. признавал и то, что истец оказывал ему помощь в обработке земельного участка и ремонте дома.

Данные сведения соответствуют содержанию протоколов судебных заседаний и не оспаривались Мироновой Г.Н. и Шмуляном Н.П. в совместной кассационной жалобе на решения суда, где они признавали факт пользования истцом земельным участком и оказания им помощи Шмулян Н.П., но не расценивали это фактическим принятием наследства (т. 2 л.д. 33-34).

С указанными протоколами судебных заседаний Миронова Г.Н. была ознакомлена под расписку, замечаний на них не приносила.

Не противоречит данным обстоятельствам и позиция Шмуляна Н.П. после ознакомления с теми же протоколами судебных заседаний.

В связи с этим судебная коллегия обоснованно опровергла доводы следствия об искажении показаний ответчиков в протоколах судебных заседаний, как доказательство служебного подлога с целью вынесения заведомо неправосудного решения.

Из показаний Красножена и Ушаковой следует, что они отрицают обвинение в части внесения в протокол судебного заседания ложных показаний свидетелей Шмуляна В.В. и Миронова Н.П., не допрошенных в судебном заседании 29 марта 1996 года, и подделки их подписей в подписке, утверждая достоверность этих данных.

При этом из показаний Красножена усматривается, что во внесении в протокол судебного заседания ложных сведений не имелось необходимости, поскольку в решении суда ссылки на показания свидетеля Миронова Н.В. не сделано.

Свидетель Шмулян А.П. подтвердила, что она присутствовала на судебном заседании 29 марта 1996 года в качестве свидетеля по указанному гражданскому делу и знает, что тогда же в качестве свидетелей были допрошены Шмулян В.В. и Миронова В.Н., которые оба расписались в подписке свидетелей.

Данный факт подтвердил в настоящем судебном заседании и свидетель Шмулян В.В., который объяснил, что на предварительном следствии он не мог вспомнить, что его допрашивали по гражданскому делу. После ознакомления с заключением эксперта продолжал утверждать, что подпись в подписке не его, поверив этому заключению. Затем в спокойной обстановке он вспомнил, что допрашивался в качестве свидетеля и расписался в подписке свидетелей и что в этот день у него произошел конфликт с Мироновым Н.В. в помещении суда.

О конфликте в названный день между Шмуляном В.В. и Мироновым Н.В. показала и свидетель Шмулян А.Н., а подсудимая Ушакова пояснила, что из-за конфликта между ними она выходила из кабинета и обоим делала замечание.

Из показаний свидетеля Миронова Н.В. следует, что он помнит, что давал показания по гражданскому делу, аналогичные изложенным в протоколе судебного заседания, но на следствии отрицал данные факты.

Давая оценку непоследовательности показаний указанных выше лиц на предварительном следствии и в судебном заседании и причинам их противоречивости, судебная коллегия обоснованно и мотивированно

признала эти показания недостаточными для признания установленной виновности Красножена и Ушаковой в подлоге судебных документов, как это сделали органы предварительного следствия, не дав критической оценки доказательствам.

В связи с этим нельзя признать необоснованным выводы судебной коллегии и о том, что Красноженом было вынесено заведомо неправосудное решение, а также им и Ушаковой был совершен должностной подлог.

Правильным является и вывод судебной коллегии о том, что факт отмены решения суда в порядке надзора не свидетельствует сам по себе о заведомой неправосудности данного решения, поскольку решение суда и кассационное определение об оставлении его без изменения были отменены не по этому основанию, а из-за недостаточно полного выяснения обстоятельств дела.

Одним из обстоятельств предъявленного Красножену обвинения в получении путем вымогательства взятки от Мироновой Г.Н. по версии органов предварительного следствия явилось то, что Красножен в течение длительного времени не регистрировал заявление Шмуляна В.Н. и затягивал рассмотрение дела, вынуждая тем самым Миронову Г.Н. дать ему взятку с размере 3 млн. руб. для вынесения решения в ее пользу. Получив с нее в несколько приемов 2 млн. руб., вынес решение не в ее пользу.

Оспаривая данный факт, Красножен не признал факты ни в требовании взятки, ни в ее частичном получении, а длительное нерассмотрение дела объяснил различными объективными причинами. Миронова Г.Н. и ее муж Миронов Н.В. приходили к нему в кабинет по поводу рассмотрения дела, в том числе, высказывали претензии по поводу вынесенного не в их пользу решения. В этих беседах речь о деньгах шла лишь относительно уплаты госпошлины, судебных издержек и исковых требований. Ни о какой взятке речи не шло, и мер по вынесению решения в пользу Мироновой Г.Н. он не предпринимал. Причиной оговора считает то, что таким способом Миронова Г.Н. желала добиться отмены судебного решения, которое ее не устраивало, что в итоге и добилась.

В качестве доказательств виновности Красножена в этой части обвинения органы предварительного следствия сослались на показания потерпевших Шмулян Н.П., Мироновой Г.Н., свидетелей Миронова Н.В., Миронова С.Н., Миронова Ю.Н., Дорохиной, распечатки содержания разговора между Красноженом и супругами Мироновыми, записанного на

аудиокассеты, заключения фоноскопических экспертиз, а также на факты затягивания рассмотрения дела и попытки фальсификации доказательств, на что указывалось выше.

Между тем, после исследования и оценки названных доказательств в судебном заседании, в совокупности с другими доказательствами, судебная коллегия мотивированно пришла к выводу о том, что они не свидетельствуют о наличии события преступления, вмененного в вину Красножену.

По данному факту показания потерпевшей Мироновой Г.Н. относительно передачи ею денег Красножену, времени и количества ее вызовов к судье являются крайне противоречивыми, о чем свидетельствуют выводы приговора.

Так, из заявления Мироновой Г.Н. от 26 мая 1997 года (т. 1 л.д. 39-40) и ее объяснений (т. 1 л.д. 49-50) следует, что с лета по декабрь 1996 года Красножен говорил о «заковырках» по делу, а в декабре 1996 года она предложила отблагодарить его. Красножен ответил утвердительно и назвал сумму в 3 млн. руб.

При допросе 23 февраля 1999 года (т. 1 л.д. 123-124) Миронова Г.Н. заявила, что разговор о 3 млн. руб. был в первую встречу, при этом сначала называла весну-лето, а затем зиму 1996 года.

5 мая 2000 года (т. 3 л.д. 60-65) она заявила, что к моменту получения ею копий основного и дополнительного исковых заявлений она к судье Красножену не ходила, поскольку к этому моменту уже состоялся разговор о передаче ему 3 млн. руб. за вынесение решения в ее пользу, в связи с чем она не волновалась за исход дела.

Из приобщенных к настоящему делу копий материалов гражданского дела усматривается, что к 29 марта 1996 года в суде уже находилось исковое заявление Шмуляна В.Н. и дополнение к нему, о которых указывала Миронова Г.Н. (т. 1 л.д. 152, 173, 174, 176-177).

В судебном заседании Миронова Г.Н. пояснила, что не может назвать даты встречи с Красноженом и передачи ему денег, заявив при этом, что деньги передавала не в тот период времени, который указан в обвинительном заключении, а весной 1996 года, хотя время совершения преступления является обязательным элементом субъективной стороны преступления, подлежащей установлению органами следствия и судом.

Из показаний Мироновой Г.Н. и свидетеля Миронова Н.В. усматривается, что передача 1 млн. руб. состоялась до 21 мая 1996 года, после чего потерпевший Шмулян Н.П. уехал на лечение, что подтвердил и последний.

В судебном заседании Миронова Г.Н. не могла объяснить причин противоречий в ее показаниях, а потерпевший Шмулян Н.П. и свидетели Миронов Н.В., Миронов Ю.Н. и Миронов С.Н. заявили, что они не были очевидцами содеянного и подтверждают показания Мироновой О.Н. лишь с ее слов.

Не подтвердила факта передачи денег кому-либо Мироновой Г.Н. и свидетель Моторина, дававшая потерпевшей в долг 1 млн. руб. Миронова ей не говорила, что деньги нужны для передачи Красноженоу.

Не могла объяснить причину противоречивости показаний и Миронова Г.Н.

Доводы органов предварительного следствия о том, что после вынесения решения судом Миронова Г.Н. и Миронов Н.В. дважды заходили в кабинет Красножена, требовали возврата денег, получения от него обещания сделать это и возврата их при второй встрече с записью их разговора на аудиокассету с помощью диктофона, с последующей передачей записей разговора в ФСБ, распечаткой их содержания и проведением фоноскопической экспертизы в судебном заседании проверены, и сделан мотивированный вывод о том, что приведенные данные не позволяют сделать достоверный вывод о том, что имело место получение Красноженом от Мироновой денег в качестве взятки и их возврат.

В приговоре указано, что тексты распечаток записи разговора на трех аудиокассетах (т. 1 л.д. 41-48, т. 2 л.д. 92-95, т. 3 л.д. 208-213), проведенных разными экспертами не соответствуют друг другу, и из их содержания не усматривается с достоверностью факт получения Красноженом взятки от Мироновой и последующего возврата денег ввиду технических недостатков аудиозаписей разговора, свидетельствующих о его несвязности.

В частности, Мироновы не оспаривали, что мог быть записан их разговор с Красноженом об уплате госпошлины, судебных издержек, выплате компенсации Шмуляну В.Н. по решению суда за долю в доме.

При возврате денег, по утверждению Мироновых, они усомнились в сумме, и Красножен предложил им пересчитать деньги, но такого разговора нет ни в одной из распечаток, чему судебная коллегия дала надлежащую оценку в приговоре.

Одновременно судебная коллегия обоснованно пришла к выводу о том, что заявление Мироновой Г.Н. о даче ею взятки Красножену и аудиозаписи получены с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, что свидетельствует о недопустимости данных доказательств, положенных в основу обвинения Красножена и основанных на них распечаток разговора и фоноскопических экспертиз.

В обоснование своих выводов судебная коллегия правильно указала, что Миронова не помнит, предупреждалась ли она об ответственности за заведомо ложный донос при обращении с заявлением в ФСБ, при ней аудиозаписи не прослушивались и не распечатывались, что подтверждается и заявлением Мироновой Г.Н. от 26 мая 1997 года, на котором отсутствует указанное выше предупреждение (т. 1 л.д. 49-50).

Из протокола осмотра аудиокассет и прилагаемой распечатки разговора следует, что содержание разговора распечатано на компьютере (т. 1 л.д. 44-48, 51), а распечатка удостоверена лишь начальником отдела УФСБ Никитиным Н.И., отрицавшим свое участие в ее распечатке.

Из показаний свидетелей Лазарева В.И., Никитина Н.И., Дубининой и потерпевшей Мироновой Г.Н. следует, что в момент осмотра аудиокассет их не прослушивали и распечатку не производили, компьютера в служебном кабинете, где это происходило, не было, и распечатка там не могла быть произведена. Где, когда и кем именно была произведена распечатка, они пояснить не могли.

Таким образом, в приговоре правильно указано, что до осмотра аудиокассет с участием понятых и приобщения их к делу они уже находились в распоряжении работников ФСБ и были распечатаны.

Из протокола от 26 мая 1997 года (т. 1 л.д. 51) видно, что продолжительность одной аудиозаписи составляет 15 минут, а продолжительность другой не указана, тогда как, по заключению экспертов (т. 2 л.д. 91, 98), продолжительность разговора на кассетах составляет соответственно 18 минут 30 секунд и 2 минуты 23 секунды, а по заключению эксперта от 28 сентября 2000 года (т. 3 л.д. 193, 214), продолжительность разговора составляет 18 минут 27 секунд и 2 минуты 8 секунд.

При таких обстоятельствах судебная коллегия обоснованно указала, что данные доказательства ввиду их недопустимости и противоречивости не могли быть положены в подтверждение виновности Красножена.

В судебном заседании установлено, что длительное нерассмотрение гражданского дела было обусловлено объективными причинами, указанными в протоколах судебных заседаний, а поэтому выводы органов следствия об умышленных действиях Красножена по затягиванию рассмотрения дела с целью вымогательства взятки являются лишь предположением, не основанном на доказательствах, и не свидетельствуют о наличии самого факта преступления.

Не может свидетельствовать о совершении Красноженом преступления и то, что свидетель Дорохина просила Миронову Г.Н. забрать заявление о привлечении Красножена к уголовной ответственности, тем более, что в судебном заседании Дорохина пояснила, что с указанной просьбой она ходила к Мироновой по собственной инициативе, без ведома Красножена.

Дав правильную оценку доказательствам в их совокупности, судебная коллегия мотивированно пришла к выводу о том, что противоречивые показания Мироновой Г.Н. о даче взятки Красножену, показания ее и свидетеля Миронова В.Н. о возврате Красноженом денег, полученных в виде взятки, а также производные от их показаний показания потерпевшего Шмуляна Н.П., свидетелей Миронова С.Н., Миронова Ю.Н. при наличии у потерпевших Мироновой Г.Н., Шмуляна Н.П. неприязни к Красножену в связи с вынесением решения не в их пользу, послужившим поводом для их обращения в ФСБ, не могут быть признаны достаточными доказательствами не только для подтверждения виновности Красножена и Ушаковой в инкриминируемых им деяниях, но и самого события уголовно-наказуемых деяний.

Одновременно судебной коллегией обоснованно указано, что органами предварительного следствия при предъявлении Красножену обвинения было допущено существенное противоречие в тексте обвинения, где указано, что Красножен вымогал взятку у Мироновой и получил ее за вынесение решения в ее пользу и в то же время ему предъявлено обвинение в совершении фальсификации и должностного подлога для вынесения решения в пользу истца Шмуляна В.Н.

При таких обстоятельствах, при отсутствии доказательств наличия события преступления и процессуальных оснований для направления дела

на дополнительное расследование, суд обоснованно постановил в отношении Красножена и Ушаковой оправдательный приговор, который соответствует требованиям ст.ст. 301, 314 УПК РСФСР и является законным, обоснованным и мотивированным.

Доводы протеста сводятся, в основном, лишь к перечислению и оценке доказательств, положенных в основу предъявленного Красножену и Ушаковой обвинения, с указанием на их неправильную и необъективную оценку в приговоре. Данные доводы протеста по изложенным выше основаниям нельзя признать состоятельными и подлежащими удовлетворению.

Поскольку все изложенные в протесте доводы были предметом исследования в судебном заседании, и на основании надлежащей оценки доказательств эти доводы были мотивированно опровергнуты в приговоре и кассационном определении, оснований для их удовлетворения и отмены состоявшихся судебных решений не имеется.

Руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 378 УПК РСФСР,
Президиум Верховного Суда Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации по делу в отношении **Красножена Владимира Владимировича и Ушаковой Валентины Александровны** оставить без удовлетворения.

Председатель

В.М. Лебедев

Верно: Начальник Секретариата
Президиума Верховного
Суда Российской Федерации

С.В. Кепель